

И. С. Ровдо (Минск)

ОТ НОРМЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ К «НОРМЕ» РЕЧЕВОЙ

Осмысление действительности всегда находит отражение в языке, который живо реагирует на любые изменения в обществе. В периоды значительных социальных преобразований сталкиваются интересы добра и зла, разума и безумия, светлого и темного, иначе говоря, всего того, что можно назвать положительным или отрицательным. До 90-х гг. прошлого столетия русский язык характеризовался строгой нормированностью. Стабильность, устойчивость норм – важнейшее условие существования русского (как и любого иного) литературного языка. О массовом нарушении норм не могло быть и речи. К положительному в постперестроечный и постсоветский период можно отнести, пожалуй, то, что язык стал более образным, метафоричным, стали чаще появляться новые формы, значения. Однако это положительное затмилось появлением огромного количества заимствований, стилистически сниженных слов, конструкций, проникающих в те сферы коммуникации, которые раньше были доступны строго нормированному, кодифицированному языку. Внелитературный язык стал признаком времени, своеобразной модой в кругу подростков, которых начали называть популярным словом *тинейджер*. Детский мат перестал быть только шахматным термином и уже не воспринимается в качестве лишь бранной лексики. Иногда складывается впечатление, что 12–15-летние школьники не осознают коннотативную нагрузку этих слов, употребляют их для связки, как союзы.

Массовое распространение и употребление ненормативной лексики приводит к привыканию. Носитель языка перестает ее воспринимать как нечто чуждое, инородное и, как следствие, ненормативное. Эти слова можно прочесть и на страницах книг, услышать с экрана телевизора.

В Беларуси и России достаточно много иностранцев изучают русский язык. Показателем высокого уровня владения любым языком является постижение его речевого узуса, чего иностранные граждане добиваются не только путем упорных занятий в студенческих аудиториях, но и путем подражания живой устной речи, которую слышат вокруг себя. Если матерные слова они, к счастью, отсеивают, хоть и усваивают, то слова-паразиты, типа *как бы* и др., употребляют так же часто, как и многие носители русского языка.

Как известно, спрос рождает предложение: массовыми тиражами стали издаваться словари жаргона, мата. Нарушение норм приняло такой размах, что ученые сравнили этот период с первым полереволюционным десятилетием.

Безнаказанное употребление в общественных местах общенной (запретной) лексики формирует языковую и общую культуру молодежи. Однако только путем наказаний и запретов вряд ли можно выработать у человека норму языкового поведения. Необходимо помочь школьнику, студенту сформировать эту норму путем привития запретов **внутри себя**.

Некоторые специалисты в области стилистики и культуры речи утверждают, что само понятие нормы не существует без ее нарушения. Это утверждение, видимо, основывается на том, что отступления от нормы являются своеобразным фоном, позволяющим судить о требуемом, допустимом и недопустимом в языке. Возможно, и так. Однако этот фон стал настолько масштабным и вызывающим, что возникла необходимость в защите русского языка от нашествия просторечия и сквернословия. В 1995 г. был создан Совет по русскому языку при Президенте Российской Федерации (при Правительстве РФ просуществовал до 2003 г.). Благодаря усилиям Совета Государственная Дума приняла Закон о государственном языке Российской Федерации (2005), призванный сохранить чистоту русского литературного языка. На проблемы русского языка обращал внимание Президент и члены Правительства Российской Федерации.

После принятия Закона бранные слова в различных телевизионных передачах стали звучать меньше, но не потому, что стиль этих передач резко изменился в положительную сторону, а потому, что их заменили звуковым сигналом, писком.

Надо отметить, что указанные выше изменения в языке в большинстве случаев касаются его функционирования как на территории России, так и Беларуси. Разница, пожалуй, состоит в большей раскрепощенности языка средств массовой информации России, которые до принятия Закона о государственном языке позволяли себе из огромного запаса языковых средств выбирать те, которые находились далеко за пределами норм литературного языка. Значительная доля этих средств – сфера устной речи, которая в целом

преобладает над письменной. «По данным исследователей, на чтение в среднем мы отводим 16 % своего времени, на восприятие звучащей речи – 45 %, на говорение – 30 %, на письмо – 9 %. Иными словами, звучащая речь (в значительной своей части разговорная) в количественном соотношении втрое "влиятельнее" речи письменной» [1, с. 72].

Язык СМИ – это лишь часть русского языка. Он по-разному функционирует в зависимости от возраста, социальной, территориальной принадлежности его носителей и от ряда других факторов.

Не так давно появилось представление о различиях в использовании языка, обусловленных принадлежностью человека к тому или иному типу речевой культуры. Так, выделяются элитарный, среднелитературный, просторечный, народно-речевой, арготический (жаргонизирующий) типы речевой культуры [2, с. 241]. В пределах литературного языка находятся элитарный и среднелитературный типы. Просторечный, народно-речевой и жаргонизирующий – за его пределами.

Наиболее устойчивым к различным отклонениям от нормы является элитарный тип. Что же касается среднелитературного, то некоторые ошибки в речи его носителей можно квалифицировать как типичные, поскольку не осознаются представителями этого типа речевой культуры (в отличие от элитарного) в качестве таковых. Это неверные ударения (*ходатайство, средства, принять, начать, возбуждено, осужденный* и др.), неверное произношение (*инцидент, дермантин, прецедент* и др.), неверное образование грамматических форм (*двухста, пятиста, в двух тысяч девятом году; более лучшие, более чище*), неверное употребление слов (*одеть* вместо *надеть, ложить* вместо *класть*), избыточное использование личных местоимений (*текст – он воспроизводится по-разному, машина – она требует ухода* и др.), неуместное употребление предлога *о* (*указать о причинах., выяснять о наличии., не означает о том, что...*). Эти и другие ошибки стали системными, а следовательно, усиливающими способность носителей языка к подражанию, а значит, и уменьшающими количество людей с элитарным типом речевой культуры. Можно сказать, что эти ошибки стали «нормой» речи. Неверное употребление некоторых слов и их форм является настолько регулярным и массовым, что правильное – воспринима-

ется иногда как ошибка. Достаточно вспомнить такие слова, как *жалюзи*, *генезис*, *включат* и др.

Словоформы с указанными и другими типичными ошибками регулярно предлагаются как для заданий по русскому языку в школе, так и для заданий централизованного тестирования. Ученики и абитуриенты неплохо справляются с поставленными перед ними задачами, когда подобные задания еще свежи в памяти после занятий с учителями и репетиторами. Проходит время, ученики становятся студентами вузов различных нефилологических специальностей. Необходимость знания орфоэпических, орфографических, лексических и других норм, которое оценивается баллом, отпадает. На передний план выходит содержание речи, а не форма раскрытия этого содержания. Мы иногда слышим: какая разница, как я говорю (пишу). В большинстве случаев мы понимаем друг друга, если даже речь изобилует ошибками. Но ведь когда-нибудь могут и казнить вместо того, чтобы помиловать. Чтобы дело не доходило до каких-то крайностей, не проще ли сделать обязательной дисциплину «Культура устной и письменной речи» на нефилологических специальностях вузов, чтобы устная и письменная речь была показателем **общей высокой культуры** каждого представителя нации. Это же касается и второго нашего государственного языка.

Рассмотренные выше факты отклонения от нормы отличаются от фактов, порожденных модой на те или иные слова или грамматические формы. Законодателем и источником моды в данной ситуации является просторечие. Просторечные слова, словосочетания незаметно входят в литературный язык, иногда в нем приживаются благодаря частому использованию в деловой речи. Так, мы уже привыкли к сочетанию *голосовать вопрос (предложение)*, *танцевать программу*, к словам *наработки*, *подвижки*. Их чужеродность в литературном языке сегодня замечают, пожалуй, только филологи. По-иному воспринимаются такие модные слова, как *блин*, *как бы*, *фиолетово*, *по-любому*. Яркая экспрессивная окраска этих слов позволяет даже неспециалисту определить их статус. «Лидером», конечно же, является слово *как бы*. Оно частотно в школьной, студенческой аудитории, в профессиональной речи, на радио, телевидении. Если человек, не знакомый с русским речевым узусом, попытается понять смысл текста с высокой частотностью в нем слова *как бы* в его прямом значении, то весь текст может превратиться из

утверждающего что-либо в условно-предполагающее (согласно значению слова *как бы*). Речь студентов у доски, которым запрещалось употреблять это слово, резко замедлялась, словоформы с трудом связывались в осмысленное предложение. Основная опасность моды в языке – привыкание к ней, когда говорящий вначале сознательно включает в поток речи какое-либо слово, которое со временем благодаря частотности употребления настолько адаптируется к производимому и воспроизводимому контексту, что перестает восприниматься употребляющим его человеком как нечто инородное.

Язык художественной литературы и СМИ всегда был объектом пристального внимания лингвистов. После того же, как в нашу жизнь активно вошли интернет (рунет) и реклама, появились и соответствующие подязыки: рунета и рекламы. Они имеют свою лексику, грамматику, нередко выходящую за пределы норм литературного языка. К примеру, основная задача рекламы показать, что рекламируемый товар – лучший. Отсюда – появление таких форм, как *белее белого, нежнее нежного, самая центральная выставка, самый обувной магазин* или *Мы – русское радио. Большие, чем радио. Наши скидки – самые летние. «Бобров» – самое пиво*. Хотя данные формы и противоречат русской грамматике, а иногда и здравому смыслу, они существуют, регулярно повторяются, служат «образцом» для создания себе подобных. Язык форумов, чатов не всегда понятен тем, кто лишь изредка туда заглядывает. В то же время монологи и диалоги людей (чаще всего молодежи), обсуждающих там различные проблемы, им самим понятны несмотря на наличие множества усеченных форм, жаргонизмов, смайликов. И это тоже русский язык, ставший «нормой» речи, реально сегодня существующий и требующий к себе внимания и изучения в первую очередь с точки зрения его влияния на литературный язык.

Особым подязыком стали в последние 10–15 лет и тексты песен, содержание которых либо не всегда поддается объяснению и самими исполнителями, либо раскрывается в недопустимых литературным языком формах для привлечения к себе внимания. Это тоже мода. Мода на бессмысленный набор слов или на употребление в тексте песни хотя бы одного нецензурного слова, что для песенного творчества некоторых исполнителей стало нормой, чем, к сожалению, является и для многих слушателей. Есть спрос – будет и предложение. В текстах отдельных песен наблюдается явление, проти-

воположное тому, чем характеризуются многие фразеологизмы: последние часто приобретают смысл только после объединения в нем определенных слов, которые в отдельности ничего не значат с точки зрения современного русского языка (напр., *лясы*); в песнях же отдельные слова имеют смысл, а текст, составленный из этих слов, не поддается пониманию и здравому смыслу.

Еще одно модное языковое явление, ставшее нормой письменной речи, наблюдается в основном в заглавиях и рекламных слоганах. В отличие от вышерассмотренных в целом его нельзя оценивать как отрицательное явление. Речь идет о поиске новых смыслов в форме слова, что, пожалуй, должно интересовать лингвосинергетику. Такие слова – два в одном, или биноминации и по форме, и по значению. Новый смысл слова актуализируется благодаря графическому выделению в нем той части, которая совпадает с формой самостоятельного слова. К примеру, *ПоБЕДА витаминов?* (статья о пользе и вреде синтетических витаминов, где в слове *победа*, благодаря выделению прописными буквами части *БЕДА* и когерентному взаимодействию этой части с основным словом манифестируются значения ‘успех в борьбе за что-либо’ и ‘несчастье’, тем самым предопределяется тема всей статьи.

Иногда для порождения бифуркации, т. е. появления двух смыслов у одного и того же слова достаточно обнаружения и выделения не полного грамматически оформленного слова, а лишь его основы. *Не ВОЛНуйте дитя!* – заглавие статьи о вреде для детей мобильных телефонов, где в словоформе *волнуйте* выделена часть *ВОЛН*.

В рассмотренных выше случаях второе значение выводилось из структурной части одного из слов словосочетания, находящейся в отношениях включения по отношению к этому слову. В заглавии же *ВИЗучий Шенген* (о визах в зону Шенген) часть слова *ВИЗ* и его семантика являются доминирующими, подчиняющими себе орфографию слова *ве(и)зучий* и его семантику. Подобная доминирующая выделенная часть может находиться в начале, середине, конце слова, что наблюдается, к примеру, в заглавии *ВсПУТЧенные...* – о событиях 18-летней давности, когда был создан Государственный комитет чрезвычайного положения (ГКЧП).

Указанные биноминации – многогранное языковое явление по форме и по содержания, заслуживающее отдельного рассмотрения и пристального внимания.

Мода в языке, как и в одежде, неожиданно появляется и быстро распространяется. Ненормативное, в какой-то мере запретное, всегда больше притягивало носителей языка, особенно молодых людей. В этих условиях важной является не только задача учить правильной речи, но и **прививать моду на нормативную, литературную речь**, в которой бы фоном была не просторечная, вульгарная лексика, а слово, сквозь призму которого просматривается и богатство русского языка, и особенности национально-культурной семантики. Такая речь всегда вызывает восторг и восхищение людьми, являющимися ее авторами, как, к примеру, Е. Евтушенко, у которого любовь к языку «проросла» из любви к родине, обычаям и традициям народа.

Язык мой русский, снежно хрусткий,
в тебе колокола, сверчки,
и поскрип квашеной капусты,
где алых клюковок зрачки.

1. *Рынкович, Ю. С.* Разговорные стратегии в современных СМИ / Ю. С. Рынкович // Русская речь. – 2007. – № 7.

2. *Сиротинина, О. Б.* Русский язык в разных типах речевых культур / О. Б. Сиротинина // Русский язык сегодня. – М., 2000. – Вып. 1.